

© 2022

Олег Комолов

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института экономики РАН
(г. Москва, Россия)
(e-mail: oleg_komolov@mail.ru)

ГЛОБАЛЬНАЯ ЭКСПАНСИЯ КНР И НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

Статья посвящена проблемам и перспективам развития экономики Китая в контексте упадка американского системного цикла накопления капитала, в котором выделяется три этапа. На основе анализа экспансии Китая на глобальном рынке чёрной металлургии автор оценивает шансы КНР в борьбе за место нового гегемона мировой экономики. Автор приходит к выводу, что в «стальных войнах» Китай, несмотря на оказываемое на него давление, одерживает победу над конкурентами из Европы и Америки. Внешние ограничения компенсируются ростом внутреннего потребления стали, что позволяет Китаю не только сохранять лидирующие позиции в чёрной металлургии, но создавать условия для дальнейшей экспансии в металлоемких отраслях промышленности.

Ключевые слова: Китай, США, глобализация, чёрная металлургия.

DOI: 10.31857/S020736760019066-1

Кризис неолиберальной модели капиталистической глобализации усилился в эпоху финансовой экспансии американского системного цикла накопления капитала. И. Валлерстайн выделяет три этапа в доминировании США: 1945–1970, 1970–2001, с 2001 г. по настоящее время. Первый этап – период могущества США, второй – время медленного упадка, а третий – ускорение разрушения американского господства [1].

Первый этап – период могущества США. На первом этапе США имели несравнимо более мощную экономику, чем ослабленные войной европейские страны или Япония. Производимые в США товары быстро находили спрос во всем мире, укрепляя американское доминирование. Однако обострение противостояния с СССР заставило США поддерживать индустриальное развитие союзников для усиления собственной обороноспособности. Так началась череда «экономических чудес».

Первыми странами после Второй мировой войны, показавшими пример «экономического чуда», были ФРГ и Япония, находившиеся в тесных экономических и политических связях с США. Ассоциативно-зависимая стратегия развития этих стран удовлетворяла интересам как национальных элит, так и американского капитала. Так, правительство Германии по рекомендации американской администрации с 1948 г. начало бороться с черными рынками, усиливать давление на профсоюзы и проводить политику индустриализации, направленную, прежде всего, на развитие экспортоориентированных

отраслей. В результате именно экспорт на американский рынок стал движущей силой экономического роста Германии. Особенно быстро рос экспорт из Германии и Японии в период Корейской войны в 1950–1953 гг. Американцы нуждались в дешевых и качественных индустриальных товарах, а дисциплинированные и квалифицированные немцы и японцы могли их хорошо произвести и продать.

Следует отметить, что Германия не придерживалась кейнсианских подходов в экономической политике. Правительство всячески сдерживало внутренний спрос с помощью жесткой денежно-кредитной политики, больших бюджетных профицитов и низкого уровня зарплат. Тем не менее, нельзя такую политику назвать либеральной и рыночной, так как государство всячески поддерживало экспортные отрасли прямыми субсидиями, дешевыми займами, налоговыми льготами и т. д. К тому же с 1949 по 1960 гг. курс немецкой марки был существенно занижен, что также стимулировало экспорт [2].

Японская модернизация происходила медленнее германской, но также благодаря ориентации на рынок США. Стартовые позиции были хуже немецких. Производительность труда составляла 11% от США и 35% от показателя Германии. Заработные платы были еще ниже – около 6–7% от американской и 33% от германской [3]. Однако это же было преимуществом, так как позволяло минимизировать издержки при производстве товаров, поставляемых на мировой рынок. Так же как и в Германии, японские рабочие были квалифицированными, так как многие из них имели опыт работы на сложных производствах, связанных с военной промышленностью.

Оккупационное командование подошло к индустриализации Японии схожими с Германией мерами. В стране сразу же принялись повсеместно подавлять попытки рабочего сопротивления, разгонять митинги и забастовки, наносить удары по профсоюзам и уничтожать коммунистических лидеров среди рабочих. План Доджа – стабилизационная программа в Японии в 1949 г. – включал резкое ограничение бюджетных расходов с целью борьбы с дефицитом, фиксацию курса иены. Рост безработицы до 4 млн человек должен был снизить цену рабочей силы и подорвать эффективность организованной рабочей борьбы. Окончательно подавить рабочее движение в Японии удалось только ко второй половине 1950-х гг. После чего начался поиск компромисса между трудом и капиталом, в том числе в виде известных японских пожизненных корпоративных контрактов с работниками.

Пример модернизации Японии также показывает, что она осуществлялась при активном участии государства, которое направляло бизнес в капиталоемкие отрасли, а позже и в наукоемкие. Сначала развивались пищевая и текстильная отрасли, спустя непродолжительное время власти стали форсировать капиталоемкие производства, такие, как металлургия, сталелитейная промышленность, нефтехимия, затем другие химические отрасли и тяжелая промышленность. Так, правительство предоставляло существенные налоговые льготы

и прямые дотации приоритетным отраслям экономики. В 1950-е гг. к ним относились отрасли по производству базовых товаров – например, сталелитейную, угольную, нефтехимическую, энергетическую, транспортную, производство строительных материалов и т. д. Одновременно закладывался фундамент для быстрого роста машиностроения, электроники, автомобилестроения и других перерабатывающих производств, ориентированных на экспорт, которые государство особенно опекало, используя жесткие протекционистские меры для защиты внутреннего рынка. Успех передовых производств основывался, в том числе, на крепкой материальной базе промышленности из предыдущих технологических укладов. Такая база, вместе с низкими зарплатами, способствовала еще большему снижению издержек на передовых производствах уже 4-го ТУ. Япония постепенно сокращала технологический разрыв с развитыми капиталистическими странами и последовательно проводила импортозамещение.

Второй этап – время медленного упадка. Каждый этап вовлечения новых стран в мир-систему усиливал конкуренцию между товаропроизводителями. Уже к середине 1960-х годов экспорт Западной Европы и Японии достиг практически паритета с США. Это стало одной из причин кризиса «стагфляции» 1970-х, который происходил на фоне обострения конкуренции как европейских, так и азиатских производителей. Американские компании теряли конкурентоспособность, им становилось сложнее конкурировать даже на собственном рынке. Такая ситуация оборачивалась дефицитом платежного баланса США и стала угрозой доминированию доллара. Продолжительная стагнация американской экономики и рост инфляции заставили США пойти в направлении жесткой денежно-кредитной политики. Однако, высокие процентные ставки и дорогие доллары еще больше подрывали положение американских компаний в мире. Власти Соединенных Штатов решили навязать несколько соглашений Германии и Японии с целью ревальвировать их валюты и сократить экспорт из этих стран. Эти переговоры вошли в историю как «соглашения в Плазе» в 1985 г. Результаты этих договоренностей больно ударили по японской и германской экономике, так как возросшая иена и немецкая марка не позволяли поддерживать темпы экспорта в прежних объемах. Более того, американцы стали вводить санкции против продукции некоторых отраслей экономики Японии, например, на автомобили [3]. Япония попала в ловушку модернизационного развития, так как зависела от экспорта и не могла снижать издержки, а значит, теряла конкурентоспособность. Реакцией на эти события стал рост ПИИ из Японии в другие азиатские страны для перемещения туда малорентабельных производств и закрепления за собой только высокотехнологичных и наукоемких секторов. Однако, эти процессы все равно не позволили японской экономике расти прежними темпами, хотя послужили возможностью для ассоциативно-зависимого развития группы других стран в Юго-Восточной Азии.

Напомним, что все послевоенное время азиатский регион оставался местом столкновения советских и американских интересов. Здесь происходили ожесточенные военные конфликты с народно-освободительными и коммунистическими движениями после окончания Второй мировой войны: революция в Китае, Корейская война, война во Вьетнаме. Повстанческие войны в Малайзии, силовые претензии «левых» на власть в Сингапуре, разгорающиеся войны в Индокитае заставляли власти США заимствовать собственный опыт из Европы. Речь идет о создании военных блоков по типу НАТО, например СЕАТО (Организация Договора Юго-Восточной Азии), с участием новых восточноазиатских государств для силового сдерживания и прямой борьбы со странами социалистической ориентации [4].

Ряд военных неудач США и рост популярности левых идей вынудили их коренным образом переустроить дипломатическую политику в регионе. Именно в это время, к 1970-м гг., противоречия между КНР и СССР достигли своего пика, и США сделали на них ставку, желая получить себе влиятельного союзника для подрыва влияния СССР в Азии. Так, известный американский государственный деятель Г. Киссинджер в своей книге «О Китае» пишет: «Почти ровно 40 лет назад президент Ричард Никсон оказал мне честь, послав в Пекин для восстановления отношений со страной, расположенной в самом сердце азиатской истории. У Америки же на то время контакты с Китаем на высоком уровне отсутствовали в течение более чем 20 лет. Такое положение дел следовало изменить, ведь наши граждане заслужили передышку после кошмаров вьетнамской войны и вереницы зловещих событий времен холодной войны. Китай, формально являясь союзником Советского Союза, находился в поисках пространства для маневра, стремясь противостоять угрозе нападения со стороны Москвы» [5]. КНР со времен Мао сохраняла самостоятельный курс, не желая чрезмерной зависимости от СССР, а официальной идеологией Китая стал социализм с китайской спецификой. Противоречия усилились после смерти Сталина, т.е. Мао не признал борьбу с культом личности. Китаю было выгодно примирение с США. Это позволило бы утвердить статус КНР для развития дипломатических отношений со всем миром, а также урегулировать вопрос с Тайванем.

Одновременно США стали готовить и другие плацдармы для продвижения в Азии. Ими должны были стать страны успешного, «витринного» капитализма, которые выступали бы привлекательным примером для других стран, подталкивая их к союзническим отношениям с Америкой. Появление таких экономик стало следствием расширения капиталистических отношений на новые аграрные страны. Одним из ключевых их проводников в Азии стала Япония. Масштабная модернизация ее экономики упиралась в ограниченность внутренних ресурсов. Ограниченность инвестиционных возможностей заставляла государство стимулировать производителей согласно занимаемой ими доле на

мировом рынке. Инвестиции были возможны только при ее увеличении, что побуждало к слияниям и поглощениям, объединению в картели и образованию мощных японских транснациональных компаний [6]. Быстрый экономический рост, ориентированный на экспорт, вынуждал взвешенно подходить к приоритетам в инвестициях. Традиционные отрасли предыдущих ТУ приносили все меньшую отдачу от капиталовложений, их было выгодно вынести в другие страны, чтобы сконцентрироваться на более рентабельных отраслях. Так, с конца 1960-х гг. японцы начали создавать собственную периферию в Восточной Азии, перемещая туда трудоемкие производства. Этот процесс был выгоден японцам, так как позволял снижать издержки, эксплуатируя дешевый труд бедных стран и импортируя оттуда базовые промышленные товары по низким ценам. Одновременно это позволило ряду стран встать на путь индустриализации и получить исторический шанс войти в когорту развитых стран. Как показала история, гигантскую роль в модернизации сыграло государство, способное подчинить интересы национального капитала целям ускоренной модернизации страны. Например, «азиатские тигры» (Южная Корея, Тайвань, Гонконг, Сингапур) копировали опыт «японского чуда», включая поведение основных государственных институтов. Показателен пример Южной Кореи, где правительство могло выдавать корпорациям беспроцентные ссуды, предоставлять в пользование инфраструктуру и т. д. при условии расширения доли на мировом рынке. Если это условие не выполнялись, то следовали жесткие санкции, включая репрессии по отношению к руководству компании, вплоть до тюремного заключения. Одновременно США активно поддерживали развитие промышленности развивающихся стран Азии, направляя туда значительные инвестиции и открывая свои рынки сбыта для их продукции. Так, за период с 1966 по 2017 гг. объем накопленных прямых иностранных инвестиций США в экономике Сингапура увеличился с 30 млн до 274,2 млрд долл. США [7].

Третий этап – усиление вызовов американскому господству. Китай позже других азиатских стран включился в так называемое ассоциативно-зависимое развитие, отчасти выступая периферией как Японии, так и «азиатских тигров». КНР прошла похожий путь модернизации, начав с освоения трудоемких отраслей производства – таких, как сельское хозяйство и легкая промышленность – и с торговли, постепенно осваивая капиталоемкие производства благодаря наличию уникального преимущества перед соседями: огромной армии дешевой и в то же время дисциплинированной рабочей силы.

В 1980-х гг. Китай начал активно привлекать иностранный капитал для создания совместных с мировыми ТНК высокотехнологичных производств, таких, как фармацевтика, машиностроение, электроника и т. д. Следует отметить, что ТНК не спешили делиться с КНР технологиями, а разделяли производство товаров на несколько этапов, создавая глобальные цепочки стоимости.

Высокодоходные и выгодные звенья этих цепочек закреплялись за капиталами ведущих стран, тогда как низкодоходные перемещались в Китай. Власти США всячески приветствовали и поддерживали рыночные реформы в Китае, так как это позволяло все больше отдалять его от СССР. Рыночные преобразования проходили в несколько этапов с 1978 г., сначала охватывая деревню и экспериментальное расширение хозяйственной деятельности предприятий в городе. Каждый следующий этап ускорял рыночные реформы. В 1992 г. стартовал очередной этап, который назывался «Социалистическая рыночная экономика». Далее с 2003 г. – «Совершенствование социалистической рыночной экономики». Наконец, с 2014 г. – «переход к решающей роли рынка в распределении ресурсов» [8]. После вступления в ВТО в 2001 г. Китай получил неформальный статус мировой фабрики. Как и другие страны «гусиного клина», прошедшие путь быстрой модернизации, Китай все время наращивал экспорт. Новая роль Китая в мир-системе была выгодна странам центра, так как позволяла концентрироваться на финансовой и высокотехнологичной сфере, не тратя усилий на промышленность, утекающую в Азиатско-тихоокеанский регион.

Этот момент можно назвать началом третьего этапа упадка гегемонии США, который И. Валлерстайн связывает с ее угасанием, когда американские производители стали терять лидирующее положение во многих отраслях экономики, а финансовая сфера, выбравшись из оков регулирования, привела к нескольким экономическим кризисам и стагнации всей капиталистической системы, угрожая всему миропорядку, основанному на гегемонии США. О развитии экономики КНР, сумевшей за относительно короткий промежуток времени достичь значительных успехов в развитии промышленности и в XXI веке заявить о себе как об одном из главных оппонентов США в борьбе за роль нового мирового гегемона, речь пойдет ниже.

Промышленная экспансия КНР. Черная металлургия. Экономика КНР имеет достаточный потенциал, чтобы бросить вызов наиболее развитым странам мира для расширения своей сферы влияния в мировой экономике. Ярким примером внешней экспансии промышленности Китая является черная металлургия, продукция которой играет роль фундамента таких отраслей, как машиностроение, автомобилестроение, станкостроение, строительство и др. Китай является лидером в производстве стали: в 2019 г. выпуск составил 996 млн т – 53% мирового производства [15]. Доля КНР в мировом экспорте железа и стали составляет 13,2% (1-е место в мире) [16].

Следует отметить, что черная металлургия является главным «полем» экономических войн в мире. Она занимает лидирующее место по количеству вводимых странами протекционистских мер (включая субсидии, в том числе экспортные, тарифные ограничения, квотирование, точечное лицензирование, госзакупки, антидемпинговые меры и т. д.). Так, в период с 2009 по 2020 гг. на рынке продукции из железа и стали государствами было принято 1649 ограничительных мер

[17]. Наибольшую активность тут проявляют Соединенные Штаты (642 меры), второе место занимает Китай: им было принято 205 мер, направленных на защиту национального производителя [18]. В целом, против черной металлургии КНР принято 1316 ограничительных мер (3-е место после Южной Кореи и Японии) [19], что составляет 18% от всех действий, направленных другими странами против китайской экономики (всего 7308) [20].

В мире разворачивается жесткая конкурентная борьба в сфере черной металлургии. Еще в 2013 г. владелец «Северстали» А. Мордашов утверждал, что избыток мощностей – это проблема всей мировой металлургии, без решения которой отрасли грозит кризис, подобный началу 2000-х гг., когда обанкротилась четверть металлургических компаний США. Далее он предлагал договориться о сокращении предложения и внедрении механизмов, позволяющих балансировать спрос и предложение на этих рынках [21]. Однако, профицит в отрасли сохранялся, и страны ЕС, США, Турция и некоторые другие для сохранения прибыльности своих металлургических компаний начали инициировать антидемпинговые расследования и внедрять разного рода нетарифные ограничения против экспортеров металла из Китая, России, Южной Кореи и Бразилии. Так, антидемпинговые пошлины, введенные Еврокомиссией для стали из России в 2015 г., составили от 18,7 до 36% и из Китая – 19% [21]. Ограничения также коснулись продукции из холоднокатаной и горячекатаной стали, труб, трансформаторной стали и т. д. В 2018 г. Еврокомиссией были введены квоты на импорт стали, при превышении которых поставки облагаются пошлиной в 25%. Все эти ограничения будут только ужесточаться, как и в США. В Соединенных Штатах в 2018 г. пошлины составили 25% на ввоз стали и 10% на алюминий [22]. Показателен также пример Китая, отказавшегося от покупки коксующегося угля из Австралии, необходимого для производства стали, в начале 2021 г. Причиной стала жесткая антикитайская политика, начавшаяся с введением санкций против КНР с 2018 г., когда Австралия вслед за США официально запретила использование в стране информационных решений и оборудования Huawei и ZTE, затем в 2020 г. обвинила КНР в распространении коронавирусной инфекции и т. д. Политическая напряженность между странами заставила власти КНР также пойти по пути ограничений. Отказ от покупки австралийского угля – это первый шаг, который может больно ударить по экономике Австралии, так как Китай потреблял четверть австралийского экспорта угля, более 76 млн тонн [23].

Несмотря на санкции и ограничения, производство стали в мире стабильно растет. С 1990 по 2019 гг. производство выросло более чем в 2 раза. Этот прирост был обеспечен в основном за счет Китая, в котором производство стали за это же время выросло более чем в 15 раз [24].

В этот же период происходит значительное сокращение производства стали в ЕС. Статистические данные свидетельствуют о том, что Китай и Южная

Корея замещают ЕС как производителя черных металлов. Деградация металлургии на Украине также связана с бурным ростом этих отраслей в Азии. Так, традиционные покупатели черного металла Украины, например, Турция, переключаются на потребление более дешевого металла из КНР, несмотря на гигантское транспортное плечо. Китай за 2000-е гг. превратился из импортера стали в экспортера. Однако с 2015 г. экспорт стал заметно снижаться [25].

Данное падение связано с ростом оказываемого на Китай давления, в частности — с усилением санкций против металлургических и обрабатывающих производств, с введением антидемпинговых пошлин и других запретительных и протекционистских мер, а также с общим замедлением роста мировой экономики. Эти обстоятельства заставляют страну наращивать внутреннее потребление стали и конкурировать в других отраслях. Производственное применение металлов предполагает наличие металлоемких секторов экономики, то есть освоение их на более высоких переделах, в таких отраслях, как машиностроение, судостроение, автомобилестроение, станкостроение и др. Именно в производстве этих групп инвестиционных товаров сегодня доминирует Китай, подрывая положение европейских стран [25].

Из этих данных следует, что потребление черных металлов в Китае растет такими же темпами, как и их производство, тогда как в других регионах мира потребление стали либо стагнирует, либо сокращается, например, в ЕС и на Украине. Особенно значительное падение потребления стали в мире заметно в удельных объемах, то есть при измерении его в кг на душу населения. При таком подходе стагнация заметна уже во всем мире, кроме Китая, Южной Кореи и Индии. Например, в США с 1990 по 2019 г. снижение составило 2%, в Японии — более 30%, в ЕС — 56%, а в Украине с 1992 по 2019 гг. — более 80% [26]. Такое снижение связано с тем, что конкурировать с азиатскими странами становится все сложнее. К примеру, удельное потребление металла в Китае возросло на 932%, в Южной Корее — на 115%. Следует отметить, что потребление металла в КНР составляет 610 кг на человека, что примерно на 11% больше, чем в Японии (550 кг на человека), и на 85% больше, чем в США, ЕС или России (в среднем потребление в этих регионах составляет 330 кг стали на человека). В Южной Корее удельное потребление самое высокое в мире — 1082 кг стали на человека [26].

Примером металлоемкой отрасли, выступающей крупнейшим потребителем стали, является судостроение. Почти во всем мире этот сектор экономики является стагнирующим, так как практически никто не может конкурировать с Китаем, Южной Кореей и Японией. В 2019 г. 86% суммарной мировой валовой вместимости судов строились в этих трех странах. Если в середине XX в. на Европу приходилось 38% всех производимых судов, то в 2019 г. этот показатель составил 4,5% [27].

Следует отметить, что мировое судостроение также подтверждает модель «гусиного клина» Т. Озавы. Она показывает, как страна-лидер («ведущий гусь») избавляется от трудоинтенсивных и малоприбыльных производств, как правило, относящихся к предыдущим технологическим укладам. Подбирает эти производства страна (следующий, «ведомый гусь»), стоящая в очереди на модернизацию. Так, в странах старого индустриального центра (Германия, Дания, Голландия) расположены производства небольших, но высокотехнологичных судов. В Японии и Южной Корее серийно производятся технически сложные суда. В этом смысле выделяется Южная Корея, производящая более 50% танкеров для перевозки нефти и сжиженного газа. Судостроение Китая развивается так же бурно, но ориентировано, прежде всего, на перевозку насыпных грузов (железной руды, угля). Производство таких судов отстает от технологического уровня Южной Кореи. Однако, современный Китай занимает более 40% мирового производства балкеров, рудовозов и подобных судов, то есть менее технологичных, в том числе обслуживающих производства предыдущих технологических укладов [28]. Для закрепления в этой нише, пусть даже менее рентабельной, чем та, которую занимает Южная Корея, необходимо опираться на собственную инфраструктуру. Ввиду этого Китай инвестирует в постройку мощных грузовых портов-хабов по всему миру, а также планировал реализовать такой уникальный проект как постройка нового Никарагуанского канала. Предполагалось, что по нему смогут легко проходить китайские суда класса Постпанамакс, связывая Китай и страны Латинской Америки, богатые полезными ископаемыми. Однако, с 2017 г. данный проект заморожен, вследствие стагнации мировой торговли.

Таким образом, в «стальных войнах» Китай, несмотря на оказываемое на него давление, выигрывает. Внешние ограничения компенсируются ростом внутреннего потребления стали, что позволяет Китаю не только сохранять лидирующие позиции в черной металлургии, но и создавать условия для дальнейшей экспансии в металлоемких отраслях промышленности.

Литература

1. *Валлерстайн И.* Ускоренное падение. Наступление эпохи многополярности / Закат империи США: Кризисы и конфликты. Институт глобализации и социальных движений // М.: МАКС Пресс. 2013. С. 20.
2. *Vonyó T.* The Economic Consequences of the War. West Germany's Growth Miracle after 1945. Cambridge, United Kingdom; New York // NY: Cambridge University Press, 2018. P. 159–161
3. *Бреннер Р.* Экономика глобальной турбулентности: развитие капиталистической экономики в период от долгого бума до долгого спада, 1945–2005 // М.: Изд. Дом ВШЭ. 2014. С. 136.
4. *Manufacturing Competitiveness in Asia* // Edited by Jomo K. S. 2003. P. 120, 130.
5. *Киссинджер Г.* О Китае // М.: изд-во АСТ. 2020. С. 196.
6. *Бреннер Р.* Экономика глобальной турбулентности: развитие капиталистической экономики в период от долгого бума до долгого спада, 1945–2005 // М.: Изд. Дом ВШЭ. 2014. С. 164–170.

7. Direct Investment by Country and Industry [Электронный ресурс] // BEA. URL: <https://www.bea.gov/data/intl-trade-investment/direct-investment-country-and-industry>
8. *Островский А.В.* Китай становится экономической сверхдержавой // М.: Институт Дальнего Востока РАН: ООО «Издательство МБА». 2020. С. 22.
9. *Арриги Дж.* Адам Смит в Пекине. Что получил в наследство XXI век // М.: Институт общественного проектирования. 2009. С. 12.
10. GDP, PPP (current international \$) – China [Электронный ресурс] // World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.PP.CD?end=2019&locations=CN&start=1960&view=chart> (дата обращения: 15.11.2020).
11. GDP based on PPP, share of world [Электронный ресурс] // IMF data mapper. URL: <https://www.imf.org/external/datamapper/PPPSH@WEO/OEMDC/ADVEC/WEOWORLD> (дата обращения: 12.11.2020).
12. *Островский А.В.* Экономика Китая после XIX съезда КПК: движение вверх (по материалам XIX съезда КПК и 1-й сессии ВСНП 13-го созыва) // Экономика КНР в свете решений XIX съезда КПК / отв. ред. А. В. Островский // М.: ИДВ РАН. 2019. С. 9.
13. *Островский А.В.* Китай становится экономической сверхдержавой // М.: Институт Дальнего Востока РАН: ООО «Издательство МБА». 2020. С. 22.
14. Manufacturing [Электронный ресурс] // WTO Database. URL: <https://data.wto.org/>
15. Global crude steel output increases by 3.4 % in 2019 [Электронный ресурс] // World Steel Association AISBL, 2019. URL: <https://www.worldsteel.org/media-centre/press-releases/2020/Global-crude-steel-output-increases-by-3.4--in-2019.html> (дата обращения: 20.11.2020).
16. Merchandise exports by product group – annual (Million US dollar) [Электронный ресурс] // WTO. URL: data.wto.org (дата обращения: 20.11.2020).
17. Sectors affected most often [Электронный ресурс] // Global trade alert. URL: https://www.globaltradealert.org/global_dynamics/area_all (дата обращения: 25.11.2020).
18. Implementing Countries [Электронный ресурс] // Global trade alert. URL: https://www.globaltradealert.org/sector/412/period-from_20090101/period-to_20210116 (дата обращения: 25.11.2020).
19. Affected Countries [Электронный ресурс] // Global trade alert. URL: https://www.globaltradealert.org/sector/412/period-from_20090101/period-to_20210116 (дата обращения: 25.11.2020).
20. Country exposure to interventions [Электронный ресурс] // Global trade alert. URL: https://www.globaltradealert.org/global_dynamics/area_all (дата обращения: 20.11.2020).
21. *Петлев В., Трифонова П.* Пошлины не напугали металлургов. Почему протекционизм может сыграть на руку российским производителям металлов [Электронный ресурс] // Ведомости. 24.05.2018 URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2018/05/24/770538-poshlini-metallurgov> (дата обращения: 20.11.2020).
22. *Едовина Т.* ЕС не до стали. Европа закрывает свой рынок от избытка импорта, от которого отказались США [Электронный ресурс] // Коммерсант. № 19 от 04.02.2019. С. 2. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/387338> (дата обращения: 20.11.2020).
23. *Кудияров С.* Опала коалы: шанс для русского коула // Эксперт. № 7. 8–14 февраля 2021. С. 22–26.
24. Global crude steel output increases by 3.4 % in 2019 [Электронный ресурс] // World Steel Association AISBL. URL: <https://www.worldsteel.org/media-centre/press-releases/2020/Global-crude-steel-output-increases-by-3.4--in-2019.html> (дата обращения: 22.11.2020).
25. Steel Statistic Yearbook 1995. Committee on Economic Studies. International Iron and Steel Association – Brussels. 1996–2015;

26. Steel Statistic Yearbook 1995. Committee on Economic Studies. International Iron and Steel Association – Brussels. 1996; Steel Statistical Yearbook 2020 concise version [Электронный ресурс] // World Steel Association – Brussels. URL: https://www.worldsteel.org/en/dam/jcr:5001dac8-0083-46f3-aadd-35aa357acbcc/SSY%25202020_concise%2520version.pdf (дата обращения: 20.11.21).
27. Shipbuilding Statistics [Электронный ресурс] // The Shipbuilder's Association of Japan. 2020. URL: https://www.sajn.or.jp/files/view/articles_doc/src/fcd3f818ebf3318cfd89e293f5b-bac1b.pdf.3 (дата обращения: 20.11.2021).
28. Peer Review of the Korean Shipbuilding and Related Government Policies [Электронный ресурс] // OECD. Council Working Party on Shipbuilding. 2015. URL: [http://www.oecd.org/officialdocuments/publicdisplaydocumentpdf/?cote=c/wp6\(2014\)10/fin&doclanguage=en](http://www.oecd.org/officialdocuments/publicdisplaydocumentpdf/?cote=c/wp6(2014)10/fin&doclanguage=en).P. 37 (дата обращения: 20.11.2021).

Oleg Komolov (e-mail: oleg_komolov@mail.ru)

Ph.D. in Economics, Senior Research Fellow of the Institute of Economics, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

PRC'S GLOBAL EXPANSION AND NEW TRENDS IN THE WORLD ECONOMY

The article is devoted to the problems and prospects for the development of the Chinese economy in the context of the decline of the systemic cycle of capital accumulation in the USA, in which three stages are distinguished. Based on the analysis of China's expansion in the global ferrous metals market, the author assesses the chances of China to win the struggle for leadership in this area. The author comes to the conclusion that in the "steel wars" China, despite the pressure exerted on it, wins over European and American competitors, since the restrictions imposed from abroad are compensated by the growth of domestic steel consumption, which allows China not only to maintain a leading position in the iron and steel industry, but to create conditions for further expansion in metal-intensive industries.

Keywords: China, USA, globalization, ferrous metallurgy.

DOI: 10.31857/S020736760019066-1